

Чтиво Пытка Бахом

Глава из будущей книги Муслима МАГОМАЕВА

«Любовь моя — мелодия»

Век. Москва. — 1999. — 24 июня. — с. 6

В детстве мы не любопытны к своим корням, к истории собственного рода. И мне, Муслиму Магомаеву-младшему, надо было бы еще мальчишески подробнее узнать о жизни Муслима Магомаева-старшего со слов тех, кто был с ним рядом. С годами я, разумеется, наверстал, как мог, упущенное в детстве и юности: стал интересоваться жизнью и творчеством своего знаменитого деда. Смотрел его архивы, читал письма, а главное — слушал дедовскую музыку. И хоть судить о его жизни могу, конечно, только косвенно, я всегда был твердо уверен в том, что мой дед — великий композитор и дирижер.

Я должен был повторить его путь — стать и композитором, и дирижером, и пианистом. А чтобы закрепить за мной эту заочную идею, меня и нарекли при рождении именем деда. Так я стал полным его тезкой.

Свою бабушку Байдиголь (весенний цветок) я очень любил, но и не очень слушался, часто вольно и невольно, скорей всего по детской бесшабашности, обижал и старался избавиться от ее опеки.

Что касается деда, то я его не знал и не мог знать — он умер в 1937 году в пятьдесят с небольшим от скоротечной чахотки. За пять лет до моего рождения.

Мой дед Муслим Магомаев вырос в семье кузнеца-оружейника, где любили музыку. Свое образование он получил в Закавказской учительской семинарии в городе Гори, где готовили учителей для просвещения народов Кавказа. В семинарии дед познакомился с Узеиром Гаджибековым, с которым потом дружил всю жизнь. Оба они впоследствии стали основоположниками азербайджанского профессионального музыкального творчества. Интересно, что мой дед и Узеир Гаджибеков родились в один день и в один год — 18 сентября 1885 года; в дальнейшем они даже породнились, женившись на сестрах.

Со слов родных я знаю, что был дед человеком очень щедрым, всегда готовым помогать людям. Дружить дед умел, мог сделать широкий сердечный жест. Мало кто у нас знает, что идея написать оперу на сюжет «Кер-оглы» пришла одновременно и Магомаеву, и Гаджибекову. Когда дед узнал об этом, он порвал начатую партитуру и сказал: «Узеир напишет лучше».

А еще был он человеком веселым: в отличие от друга Узеира позволял себе гулянуть на славу. Дед неплохо зарабатывал, учительствуя в школе, и позволял себе не только кутнуть, но и заплатить за друзей, особенно если за столиком ресторана оказывались неимущие музыканты. На высоком градусе застолья гуляки брали у хозяина заведения револьверы и начинали палить по горлышкам бутылкок, как разгулявшиеся ковбои в старых американских салунах. Владелец ресторана не возражал — Магомаев за все заплатит с лихвой. На то он и Муслим-бек!

У деда Муслима и бабушки Байдиголь было два сына. Младший был мой отец — Магомед Магомаев. Был он человеком очень одаренным: нигде не учась специально музыке, умел играть на рояле, пел. Голос у отца был небольшой, но приятный, как говорили, задушевный. (Но мой голос не от него, а от матери.) Талантливый театральный художник, он оформлял спектакли в Баку, в Майкопе, где и встретил мою мать. Странно, но его работ у нас не осталось — ни живописи, ни рисунков, даже никаких набросков. Потом я узнал, что после завершения театральной постановки или выхода мультфильма (он освоил и новую еще тогда специальность мультипликатора) отец уничтожал все наброски — наверное, считал, что раз все состоялось, то и не надо никаких эскизов, никаких архивов...

Был отец человеком непростым, противоречивым. Даже на фотографии он разный — от красива до человека средней привлекательности. Настолько он был изменчивым. Хотя друзья помнили его красивым. Был он очень легким на подъем (в этом я на него совсем не похож: для меня каждый раз собраться на гастроли — проблема). Умница, жизнерадостный, он любил и потанцевать, любил и подражать из-за женщины. Если где-то замесал шум, куча-мала, то там обязательно ищи Магомета... Увлекающийся, упрямый, драчливый, но в душе поэт. То легкомысленный, то яростно-непоколебимый и суровый в своих принципах... Не отсюда ли его преждевременная гибель?.. От меня, чтобы не травмировать, долго скрывали, что отца уже нет в живых, говорили, что он находится в длительной командировке. Только лет в десять-одиннадцать, когда я уже стал многое понимать, мне сказали правду.

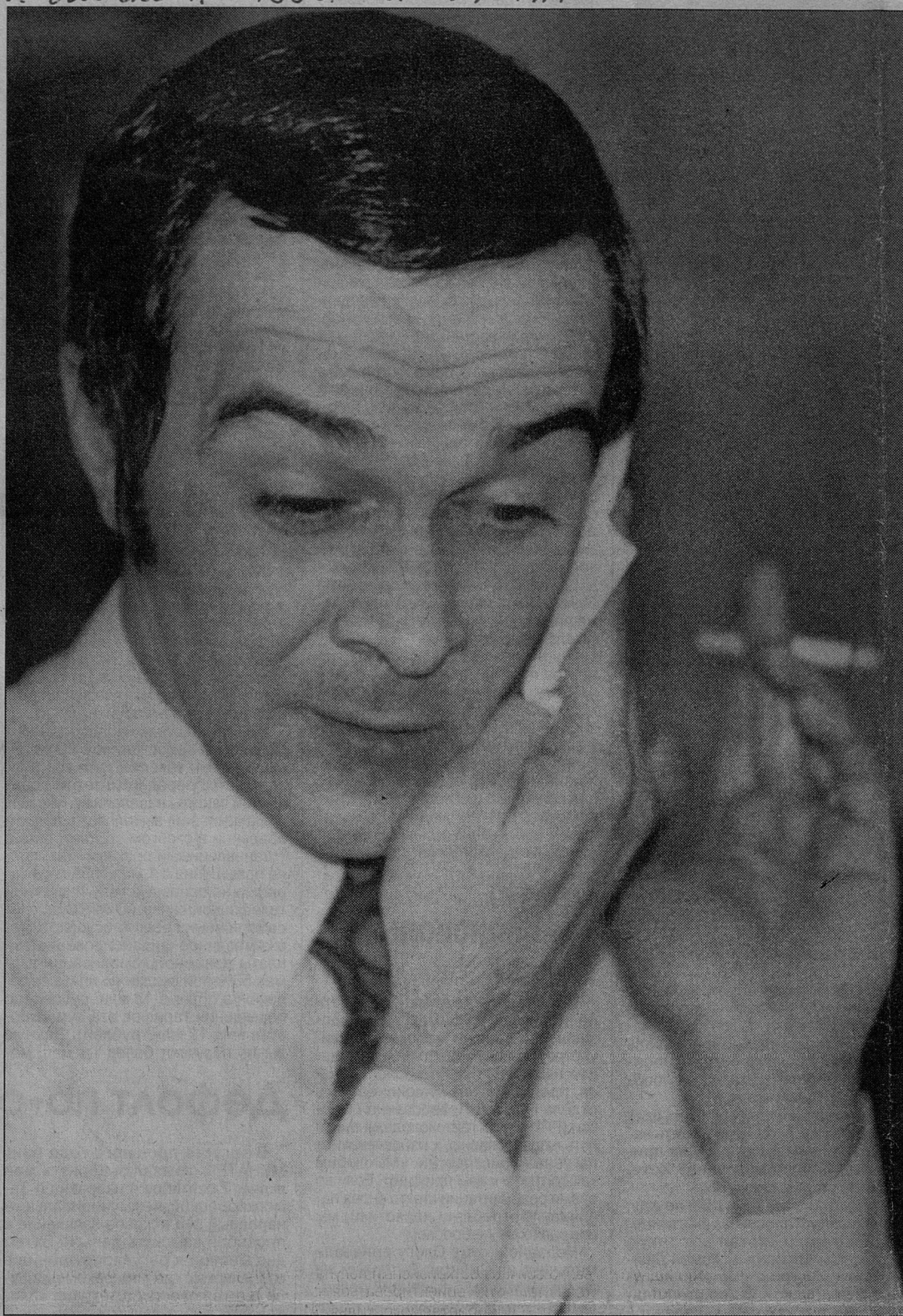
В отличие от своего отца я не умею хорошо танцевать и не хочу. Тут я пошел в моего дядю Джамал-эздина Магомаева, воспитавшего меня, заменившего мне отца и деда. Интересно, что два брата были совершенно не похожи характером друг на друга: по натуре дядя был спокойнее своих отца и брата. Инженер по образованию, Джамал-эздин Муслимович имел склонность к точным наукам (в этом я отличаюсь от дяди — терпеть их не могу). Человек уравновешенный, очень правильный, он шел вверх по партийно-государственной лестнице (и в этом я не похож на своего воспитателя — ни в комсомол, ни в партию никогда не вступал).

Но что явно перешло к нему от деда Муслима, так это наш восточный обычай гостеприимства: дядя обожал гостей, любил и умел угощать. Унаследовал он от отца и музыкальность — играл на рояле, не получив при этом специального музыкального образования. Правда, очень любил нажимать на педаль, чтобы было громко, хотя меня учил другому: «Играй тихо и с чувством».

Как оказалось, дядя умел и рисовать, хотя я никогда не видел, чтобы он этим баловался.

И еще было в дяде то, что стало нашей семейной заповедью: все они — и дед, и отец, и дядя Джамал — превыше всего ценили свою честь. Дядя никогда и никому не носил челмоданы — и в прямом, и в переносном смысле...

Говорят, люди впечатлительные помнят себя рано. Не знаю, сентиментален ли я настолько, чтобы об этом говорить, но помню себя ра-

1974 г. Эту фотографию сделал после концерта один из почитателей

но... Вот одно из первых ощущений: улица, мягкая теплота руки няни — тети Груни. С няней хорошо, уютно. Мы вышли гулять.

Воспользовавшись тем, что ее отпустили из дома, старушка ведет меня в церковь. До сих пор помню запах ладана, мерцание свечей, пышность православного храма. Потом я увижу ритуалы всевозможных конфессий. Но русская церковь оставит навсегда ощущение сказочного терема, где (по тому моему наивному представлению) Боженька не строгий, а добрый.

После деда остались кларнет и скрипка. Сначала меня хотели научить играть на скрипке. Вот тогда я и узнал, что такое она для ребенка, начинающего постигать азы музыки. Душераздирающие звуки стали несносными не только для меня.

Как многие дети, я был любопытен: ломал механические игрушки, чтобы посмотреть, как они устроены внутри. Помню, как меня ругали за всякие технические затеи, связанные с электричеством. Бабушка порой боялась взяться за что-нибудь в комнате — вдруг ее ударит током, если окажется, что я что-то не туда подсоединил. Однажды так и вышло, когда она прикоснулась к металлической кровати. То мое «техническое творчество» не забывалось — я и сейчас многое умею делать по дому. Вот от того моего детского любопытства и пострадала скрипка, из которой я пытался извлекать звуки: я решил посмотреть, что же находится внутри этой нежелавшей петь скрипки. Когда дома говорили об этом инструменте, когда кто-то подаренному деду после окончания школы подарил скрипку. Я поднял верхнюю деку, но никакого Амати там не нашел — только налдились чернилами «Амати...». Скрипку деда у меня, конечно, отняли, склеили. Сейчас она находится в музее в Баку...

В отличие от скрипки судьба кларнета оказалась более счастливой — его от меня убергли. А мой путь по дороге деда-композитора решили начать с рояля. Рояль был большой, я маленький, но мы с ним ладили: лет с трех-четырех я уже подбирал мелодии. Мне взяли педагога. Помню, его звали Валентина Купцова, и от нее постоянно несло водкой. В ее сумке всегда лежала бутылка.

Однажды, когда тетенька Купцова отличалась по надобности, я стащил бутылку из ее сумки и спрятал. Она вернулась и, как всегда, послала меня за очередным клавириком. Я принес ноты и... увидел у Купцовой другое лицо — его как будто вывернули наизнанку, «перелицевали». Сделав вид, что ничего такого не заметил, я сел за рояль и, стараясь не сутулиться, стал играть. Сначала из-за спины я услышал как бы шипенье, а потом на мои пальцы налетел карандаш и стал колотить по ним что есть силы: «Не воруй, не воруй, Муслимчик!...».

Было больно и обидно. Я понял, что номер не удался, и отдал водку. Но потом пожаловался тете Муре... Незабвенная моя тетушка Мария Ивановна. Бескомпромиссная тетя Муре, женщина несгибаемой воли и дипломатической проницательности. Она очень хорошо знала, что надо в жизни делать, а что не надо. Светоч нашей семейной культуры, прочитавшая столько книг! Дай бог, если сотую часть того, что прочитала тетя, мне удастся прочитать за всю свою жизнь.

Азербайджанский инженер Джамал и полька Мария, работавшая кассиршей в театре, познакомились

в Баку, потом поженились. У тети Муре от первого брака был сын Лев, которого дядя Джамал усыновил. Мы в семье часто смеялись, что типично русский белообрый парень был Лев Джамалович.

Тетя Муре производила впечатление этойкой гранд-дамы. Если она не читала свои любимые книги, то слушала радио. Приемник ловил западную музыку, чужую речь, то, что тогда у нас заглушали, что нельзя было слушать.

Обычно тетя Муре никуда не выходила. Но если с утра она начинала перебирать платя, поглядывая в зеркало, это означало, что Мария Ивановна готовится к выходу «в свет»: в театр или в гости к кому-нибудь из подруг. Правда, чаще ее подруги приходили к нам, и тогда они доподлинно засаживались за преферансом «ко мальенькой».

Была она человеком очень добрым, любила животных. В нашем дворе, к неудовольствию жильцов, кормила бездомных кошек, которых собирались со всей округи несметное количество. А у нас дома жил кот Рыжик...

Первую мелодию я сочинил в пять лет. И запомнил ее на всю жизнь. Впоследствии мы с поэтом Анатолием Гороховым сделали из нее песню «Соловьиный сад». Самому подбирать красивые созвучия мне было интересно — это лучше, чем играть чужую музыку. Но увлечение сочинительством вредит каждодневным упражнениям, а я сразу невзлюбил их. Бах стал пыткой для меня. Я прятал ноты, делал вид, что потерял. От Баха мне еще больше хотелось во двор — участвовать в мальчишеских баталиях. Гулять...

В 1949 году, когда пришло время, меня отдали в музыкальную школу-десятилетку при Бакинской консерватории. Это была элитарная школа. Элитарная в том смысле, что в нее принимали детей по степени одаренности, а не в зависимости от высокого положения родителей. Критерий при поступлении был один — природный талант. Бездарностей даже «по блату» не брали. Вот почему большинство выпускников нашей школы стали хорошими музыкантами.

Школа, как и город Баку, была интернациональна: мы тогда вообще понятия не имели, что такое национальные различия. И никого не смущало, что в Баку, столице Азербайджана, азербайджанский язык не был обязательным. Хочешь — учи, не хочешь — не учи. В нашей семье говорили по-русски. Не оттого ли я плохо вато знаю родной язык? Бабушка Байдиголь была татарка, жена дяди Джамала Мария Ивановна — полька. Дядя неплохо говорил по-азербайджански, но спотыкался в литературном азербайджанском.

Учился я без усердия. Сидеть за партой для меня было все равно, что сидеть на шиле. С музыкой было совсем иначе: мне это нравилось. Нравилось, когда говорили о моих первых сочинительских опытах, когда хвалили мою музыкальность. Помню, как на нас, мальчишек, обрушился Тарзан. У нас появились веревки-лианы, переброшенные с дерева на дерево, мы старались кричать по-тарзански. Мои тарзаньи забавы кончились тем, что я, упав с дерева, сломал левую руку. Ее надолго упрятали в гипс, приказав, чтобы я вел себя тихо... Когда гипс сняли, оказалось, что рука срослась неправильно. Руку пришлось ломать.

После больницы у меня не было

чувства радости, что появилась возможность бездельничать несколько недель, сломанная рука освобождала меня и от любимых мною занятий музыкой. Я уже тогда знал, что хочу быть и буду настоящим музыкантом. Как дед.

В детстве я много времени проводил на правительственной даче, которая была положена дяде Джамалу, когда он работал заместителем председателя Совета Министров Азербайджана. Сейчас в этом районе со странным для азербайджанского языка названием Загубьба находится президентская дача.

Хотя все мы, мальчишки и девочки, дети высших руководителей республики, понимали, что наши родители, но в своем поведении мы ничем не отличались от детей из обычных семей. У нас не было никаких претензий на исключительность, не было разговоров о том, что чей-то отец самый главный, самый важный. Нет, мы играли, бегали, купались в море, озорничали, как все дети во все времена.

Помню, почему-то мы любили лазать по абрикосовым и персиковым деревьям, хотя фрукты каждый день стояли на столе в доме. Нет, есть то, что давали неинтересно. На правительственной даче было свое подсобное хозяйство, ее обитатели снабжали свежими молоком, свежими овощами. Был и сад, где росло много фруктовых деревьев, винограда. И вот мы, дети, почему-то считали чуть ли не своим долгом забираться в огороды, в сад. Однажды мы даже забрались на продовольственный склад, выставили в окне стекло. Забрались с единственной целью — утащить из холодильника сосиски, которыми собирались кормить кошек и собак.

Я рос не в бедной семье, но меня воспитывали так, что я понимал разницу между «хочу» и «необходимо». Мне никогда не давали лишних денег, о карманных деньгах я читал только в книжках. Если у меня оставалось что-то от школьного завтрака, я спрашивал разрешения истратить эти копейки на мороженое. Одевали меня так, чтобы было не модно, а чисто, прилично и скромно. Если был костюм, то только один — выходной.

Вспоминаю наш двор. Там действовали свои неписанные законы: кто-то верховодил, а кто-то подчинялся, кто-то задавался, а кто-то мучился застенчивостью. Но в играх мы были одна ватага. Детство — самая неуклюжая пора жизни: все там в открытую и честно. Мы и ссорились честно, и мирился чаще с Поладом Джама-Бюль оглы. Верховодили мы вместе — делили дворовую власть. Как представители «верховой власти» двора, вроде Тома Сойера и Гекки Финна, то и дело соперничали:

Юный Муслим с тетей Мурой

кто ловчее «тарзанит», перепрыгивая с дерева на дерево, кто поддуше-раздирающе крикнет Тарзаном. Последнее Полад делал лучше всех.

Наши отношения с Поладом как были, так и остались неровными: то ссоримся, то миримся. Ничего не подлаешь — особенности дружбы с детства. Различны у нас не только характеры. Мне прочили быть композитором, дирижером, пианистом, как мой дед, а я стал певцом. Полад хотел быть певцом, как его отец, а стал композитором. Я был свидетелем первых шагов Полада на этом его поприще. Однажды он принес мне несколько своих песен. Песни Полада понравились мне своей мелодичностью. Я выбрал две из них в свой репертуар.

Мой дядя Джамал, как дядя Онегина, был «самых честных правил». Он много работал, приходил домой уставший, со мной заговаривал только тогда, когда я делал что-нибудь не так. Честно признаться, поводов я давал немало. Бывало, что-нибудь натворю и со страхом жду вечера, спрятавшись в бабушкиной комнате. Сиху тихо и прислушиваясь, когда бабушка или тетя Муре начнут жаловаться на меня. Я понимал, что дядина строгость была оправданной, однако мне хотелось и ласки, а главное — участия. Но дяде, вечно занятому человеку, по натуре сдержанному и неразговорчивому, было не до меня. Мне казалось, что он меня не любит. Только к концу его жизни я, став взрослым, понял, что все было как раз наоборот, что он относился ко мне, как к сыну. Отсюда его строгость, нравочения...

Я долго не мог понять, почему после гибели отца мать не жила с нами. И даже если она по каким-то причинам не хотела жить в нашей бакин-ской квартире, почему не брала меня к себе?

Моя мама, Айшет Ахмедовна (по сцене Киржалова), была драматической актрисой с многоопытным актерским амплуа. У нее был хороший голос, она аккомпанировала себе на аккордеоне, что обожали на провинциальной сцене. Играла она по большей части роли характерные, а ее музыкальность была как бы дополнением к драматическим способностям. На сцене мама была очень эффектна — у нее были превосходные внешние данные, подвел только нос: мама была курносая. Помню, как в детстве я тоже боялся, что буду с таким же носом, как у матери, и даже на ночь завязывал себе нос платком, чтобы прихать его. Броская внешность матери, ее одаренность, видимо, в большой степени оттого, что в ней намешано много кровей: его отец был турок, мать — наполеонов адыгейка, наполеонов русская...

Мои родители встретились в Майкопе, где мать играла в драматическом театре, а отец оформлял спектакли. Они уехали в Баку, поженились. Когда отец ушел на фронт, мать жила в нашей семье, а после его гибели вернулась к себе в Майкоп.

Человека по своему неординарного, ее томила «охота к перемение мест» — ей почему-то не работало в одном и том же театре. При этом ее никто не увольнял, никто не выгонял из труппы. Но ей хотелось чего-то нового, и потому мать часто ездила в Москву на артистическую биржу, где в межсезонье собирались актеры

чуть ли не со всей страны в поисках работы в разных театрах. Когда Айшет Ахмедовна через какое-то время стала просить бабушку отдать меня ей, Байдиголь запричитала: дядя Джамал ко мне привык, заменил мне отца... При этом опять вспоминала о неусидчивости матери, о ее «цыганской жизни» актрисы. Мать и на этот раз вроде бы согласилась оставить меня еще на немножко.

Как человек неожиданный в своих поступках, она имела привычку сваливаться к нам как снег на голову: глубокая ночь, люди спят, и вдруг звонок в дверь — матушка на пороге с чемоданами... Погостит неделю и так же внезапно исчезнет.

Так было и в тот раз. Айшет приехала, пожила несколько дней и вдруг собралась уезжать. В нашем доме жила тогда Мария Григорьевна. Была она не домработницей (я не люблю это слово), а членом семьи, родным человеком. (Появилась она у нас еще девушкой, была молоканкой из селе-ния Ивановка, что под Баку. Мария Григорьевна прожила с нами до смерти дяди Джамала. Затем, обменяв свою квартиру в Баку, уехала к родственникам в Красноармейск. Мы и сейчас с Тamarой, как можем, помо-

гаем ей в эти трудные времена.) В тот день, когда мать решила уехать, Мария Григорьевна предложила ей: — Я тебя, Айшет, провожу до вокзала.

— Пусть меня и сын проводит. Хочу поцеловать его на перроне.

На вокзале Мария Григорьевна переехала самым отходом поезда вдруг пошла в ларек за мороженым и почему-то задержалась. Я стоял с мамой в вагоне, и тут поезд дернулся и пошел. Мне стало интересно, что же будет дальше. Поезд был уже на хорошем ходу. Смотрю в окно, а по перрону бежит Мария Григорьевна и кричит: «Муслимчик, что же ты? Айшет!...» И еще чего-то вдогонку.

В общем, поезд меня умчал. До сих пор не знаю, договорились ли мать и Мария Григорьевна заранее или нет: истинная подоплека той истории мне неизвестна. Сейчас, задним числом, думаю, что Мария Григорьевна, возможно, и была посвящена в планы матери, хотя божилась, что все вышло случайно. Видимо, вся комедия была разыграна не столько для меня, сколько для бабушки и дяди Джамала — в том, что они ничего не знали о возможном «похищении», я уверен.

Волочек встретил нас лютым холодом. Густели синие сумерки, люди кутались в воротники и шали, над ними вился пар, а мне было весело: под ногами скрипел снег, которого я никогда не видел.

Ехали мы в город, а приехали в большую деревню с потемневшими избами, с окнами, заложенными ватой, с горшками герани на подоконниках.

Мама, оставив меня одного, убежала в театр «отмечаться». А я смотрел сквозь занавешенное окно на сиреневый сумеречный снег и вдруг вижу: на меня откуда-то тоже кто-то глядит. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы усталились ходить на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Ребята что-то кричали мне. Чтобы расслышать, я стал открывать окно, а оно было заклеено на зиму. Я не знал этого и открыл его, запустив ребяtiny. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы